

Владимир Каткевич

Где чертежи Луи Линьяка?

Главы из романа «Код Артура Анатры»

Самая правильная авиашкола

Сложенный из пиленого мелкопористого известняка одноэтажный домик с легкомысленным дачным мотивом сияет белизной, как свежий сруб. Сквозь марсельскую черепицу завода «Генри» проросла вышка в 24 аршина, увенчанная флагштоком. На флагштоке вяло полощется плотный штандарт с царским гербом и короной. Верхняя марс-площадка предназначена для наблюдения полетов, на ней установлен надраенный до самоварного блеска колокол и дальномерная труба. У чахлах саженцев пирамидального тополя, от которого ни вреда, ни тени, томится на жаре батюшка в рясе, прибывший для освящения авиашколы. Унтер-офицер натруженными крестьянскими пальцами обрывает лишние серебристые листочки у основания ствола. Кроме служебного зданьца, вокруг капитальных построек пока не обнаруживается. В четырех парусиновых ангарах два «Фармана», «Ньюпор», «Блерио», «Антуанетта» – всего семь аэропланов. Дальше палатки солдат морского батальона, обеспечивающих полеты. И голая безрадостная гладкая, как стол, степь, пыльные будяки в паутине, чертополох, камыши, даже в дрожащем от зноя мареве – Стрельбищное поле. Из камышей прилетают слепни, офицер на верхней площадке отгоняет авианасекомых веточкой.

Великий князь Александр Михайлович, стройный, высокий, в белом морском мундире обходит шеренгу офицеров. На правом фланге казачий сотник в кудлатой папахе размером с ведро задорно глядит из строя, как пудель. Сын великого кня-

зя князь Андрей даже не сдержал улыбку. Андрей Александрович в белой морской голландке с голубым воротом-гюйсом, на голове наследника бескозырка с ленточкой «Морской корпус». В голубых глазах разлитое море, которым они наполнились, пока яхта «Алмаз» шла в Одессу из Севастополя. Свиту возглавляет вице-президент авиаклуба Артур Анатра, парадный мундир титулярного советника с двумя орденами расшит золотым позументом и шнурами. Построенный, видимо, несколькими годами ранее, мундир под мышками морщит. По случаю визита морских гостей присутствует в морском сюртучке пожизненный командор одесского яхт-клуба Анжело Анатра. Шталмейстер двора его величества одесский градоначальник И.В. Сосновский тоже в парадном мундире. Командующий войсками Одесского военного округа генерал от артиллерии В.Н. Никитин придерживает саблю.

– Начальник воздухоплавательного парка морского батальона подполковник Харламей Федорович Стоматьев, – представляет президент аэроклуба барон Каульбарс.

– Александр Васильевич, школа будет развиваться в сторону норда? – по-морскому выясняет великий князь.

– Так точно, ваше императорское высочество, – рапортует Стоматьев. – В антре вывешена схема. Предполагается построить обширное здание и мастерские по типу Фармана в Билланкуре. Конструктором для мастерских приглашен месье де Камп. Испытателем лейтенант французской службы Луи Линьяк.

Французы представляются.

– А собственные техники-монтеры есть у вас, если персонифицировать?

– Особенно преуспели нижние чины морского батальона Сучков и Букасов. Достигнутые успехи в замене поломанных частей узлами собственного изготовления привели к возможности строить на месте аппараты полностью.

– Государственные субсидии придали бы бодрость энергии, ваше императорское высочество, – не сдержался, осмелев до дерзости, барон Каульбарс.

Великий князь, сразу поскучнев, спасается Стоматьевым:

- Харламый... э...
- Федорович, ваше императорское высочество.
- Харламый Федорович, но ведь обучение в школе назначено платным, так что доход от желающих любителей позволит вам чувствовать себя увереннее. Хотя бы на первых порах.
- Обучение для статских составит 600 рублей за курс.
- Не скудно ли? А если случится авария, кто погасит расходы по ремонту?
- Пятьсот рублей вносится вперед за поломки.
- А для военных?
- Для офицеров обучение бесплатное.
- Но может случиться травма, увечье. Все мы под Богом ходим. Или летаем.
- Ученики выдают подписку о сложении со школы ответственности за всякие могущие быть несчастные случаи, принимая полностью и во всех отношениях для себя последствия.
- Для лиц женского пола необходимо согласие родителей и мужа, - добавляет Артур Анатра.
- Однако в морском флоте участие дам не предусмотрено. А в воздушном, получается, позволительно? Похвально.
- Супруга командующего округом госпожа Никитина уже летала на гипподроме с Уточкиным.
- Никитина обнаруживает себя реверансом. Великий князь пробирается к ней, целует ручку в кружевной летней перчатке и замечает Уточкина. Рука у героя воздуха в гипсовой повязке и на консоли шины. Так что сам герой похож на аэроплан.
- Вы, Сергей Исаевич, еще не оправились после аварии в Крестцах?
- Это свежее ранение, ваше императорское высочество.
- Сергей Исаич давеча соревновался на гипподроме с автомобилем, - объясняет Анатра.
- И какой марки?
- «Делано-Бельвиль» с шофером Асадуровым. Дистанцию назначили 10 верст. Приз матча - 100 рублей.
- И кто взял верх?
- Аэроплан, разумеется.
- Bravo!

Гости направляются осматривать аппараты, которые солдаты выкатывают из ангаров. Батюшка окропляет живой водой взлетную полосу, капли шипят в горячей пыли.

– Всего лишь за какой-то год произошел целый переворот в сознании, – замечает Уточкин сотнику Ткачеву, который готовится к показательным полетам, надевает очки, перчатки.

– Перед моими публичными полетами в Царицыне митрополит Илларион разразился гневной проповедью: «Заклинаю и запрещаю ходить на поганое зрелище! Пойдете или нет?». «Не пойте-ом!» – ответила толпа.

– И пошли?

– Устроили давку, конные стражники кого-то затоптали...

Уточкин замечает в свите пожизненного командора одесского яхт-клуба Анжело Анатру и вежливо придерживает его за локоток.

– Анжело Антонович, когда будет восстановлено мое право участвовать в гонках?

– При таких ранениях в гонках...

На большой скорости Уточкин перевернулся на собственной яхте с замысловатым названием «Баба Ягурж», фал намотался на ноги, прославленный спортсмен едва не утонул. Но Уточкин не отпускает локоток, августейшее внимание, оказанное ему великим князем, позволяет ему использовать момент.

– Так когда решится вопрос о моем помиловании?

– Вы же знаете, комиссия принимает решение коллегиально.

– Гонки на яхтах индивидуальный вид, штучный, и требуют штучного подхода.

– Кажется, мне придется хлопотать у великого князя.

– Не трудитесь, сделайте милость. Сразу после выздоровления вы получите амнистию.

– Вот это уже морской разговор!

Духовой оркестр, обжигая губы о раскаленные на солнце мундштуки, исполняет «Слався!». Первым взлетает штабс-капитан Греков. Шлейф пыли сносит на публику. Припорошило и белый мундир великого князя.

– Штабс-капитан Греков, взлетев после короткого разбега, плавно понесся к городу и, пройдя несколько верст, опустился

возле гангара, – объясняет гостям барон Каульбарс, хотя и так все ясно.

Когда «Блерио» сотника Ткачева уменьшился до точки, вдруг звук мотора оборвался. Отчетливо стал слышен стрекот лягушек в камышах. Великий князь заерзал.

– У него все в порядке?

– Сотник Ткачев, самый отважный летчик, сделал несколько кругов с резкими виражами, на высоте 300 метров остановил мотор и крутым парящим спуском *volplane* сейчас спустится к зрителям, – донимает августейших Каульбарс. – Следом к полету готовится старший инструктор авиашколы Хиони.

– Тоже француз? – великий князь с интересом косится на лейтенанта французской службы Луи Линьяка, ему интересно, как реагирует хваленый пилот. У французского Икара на планшете технические эскизы, что-то он в них черкает.

– Никак нет. Василий Николаевич целиком нашенький. Уроженец этих мест. С высоты полета свой отчий дом в Дальнике различает.

– Уже полеты выполняют, а не номера, как два года назад, – замечает Александр Михайлович. – Это отрадно. А эти-то французы не подгадят? – спрашивает шепотом, наклоняясь к бакенбардам Каульбарса. – Ведь в Крымскую войну от них были большие неприятности...

– Иностранцы на контроле, – успокаивает Каульбарс.

Когда августейших гостей провожают к автомобилю, великий князь говорит:

– Должен отметить, господа, что благодаря усилиям господина Анатры альянс частного капитала и оборонного ведомства выглядит столь плодотворно. Одесский аэроклуб единственный в России, вставший на правильный путь.

– Ура, – цедит сквозь прокуренную до прозелени бороду генерал от артиллерии Никитин.

– Ура-а-а! – отзывается эхом морской батальон, выстроенный в каре у палаток.

– Усилия клуба будут учтены в стратегии развития авиации, – заверил великий князь. – Это важно. Так повелось еще со времен

Петра Великого. Карл был тактиком, а Петр – стратегом. Карл умел выигрывать битвы, а Петр войны.

– Контакт! – монтер-механик вручную раскручивает пропеллер.

– Есть контакт! – отвечает с этажерки пилот Хиони и запускает двигатель. От ветра у него трепещут усы.

– Что, еще планируются выступления? – беспокоится Александр Михайлович. – Не будет ли это перебором?

Александр Михайлович моряк и замечает, что погода портится.

– Господин Хиони, эффектно кружась на «Фармане», проводит автомобиль до пятой станции Фонтанской дороги.

– В «Лондонскую», – бросает великий князь шоферу-матросу.

Хиони барражирует слишком рискованно. Александр Михайлович наблюдает кульбиты с опаской. А кадет-наследник, наоборот, восторженно машет пилоту бескозыркой.

Со стороны моря город уже окутан грозовым фронтом, и Хиони все-таки отворачивает, помахав напоследок крыльями. При посадке порывом ветра аэроплан разворачивает, несмотря на то что солдаты его облепили. Шквалом срывает тент ангара.

– Луи Линьяка подпоркой придавило! – кричит штабс-капитан Греков.

Извлекают из-под обломков Линьяка.

– Господа, у меня унесло ветром планшет с чертежами, – говорит пилот-испытатель.

– Не огорчайтесь, – успокаивает Стоматьев. – Пропавшие у меня когда-то чертежи я восстановил по памяти.

– Тем более что у меня, Луи, сохранились оригиналы, – успокаивает раненого де Камп.

«Лондонская». Звонкое утро с птичьим пересвистом. В распахнутое окно эркера доносятся гудки пароходов. Горничная приносит в номер белые астры и почту. Великий князь разворачивает «Южную мысль», читает: «Женихи бросают невест с чаеразвесочной фабрики из-за туберкулеза». Настроение портится.

За окном цоканье копыт. Извозчик сухо кашляет. И Хиони кашлял – может, верховым сквозняком протянуло.

В разделе «Расчеты с жизнью» находит: «Принял смертельную дозу нашатыря, не выдержав поражения от С. Уточкина, cyclist

Захар Копейкин. На похоронах на Христианском кладбище были гонщики Луи Першерон и Фридрих Блитц».

«Почему-то не Блитц принял яд, а Копейкин, – думает с раздражением великий князь. – И поделом. Это еще глупее, чем удавиться из-за женщины».

На пороге официант.

– Что там на завтрак? – спрашивает великий князь.

– Седло барашка под беарнским соусом, как заказывали.

Великий князь переворачивает страницу размером с простыню и находит:

«Силой урагана гангар был вырван из земли вместе с аппаратом и отнесен на значительное расстояние в поле. Присутствовавшие от сотрясения попадали на землю. Механик старшего инструктора Хиони Михалькевич попал на подпорку и сильно поранил руки. Легкие ранения получил лейтенант Луи Линьяк. Убытки от потери аппарата составили 3800 руб., от разрушения гангара – 2000 руб.

Жан Жакалино»

Испытания на Стрельбищном поле

Трехэтажную башенку с дачным мотивом венчает веранда, накрытая тентом. Здесь командный пункт управления полетами. На веранде пьют чай из самовара. Жара, пыль из степи, мухи. По ажурной стальной лестнице поднимается штабс-капитан Фарман, с ним поручик Работягова.

– Господин des Camps – главный конструктор «Завода гидропланов и аэропланов Анатра», – представляет офицер для особых поручений. – Г-н де Камп впервые разработал классическую схему самолета с полностью закрытым фюзеляжем и тянущим винтом.

– Лейтенант французской службы призер митинга в Кельне Луи Линьяк.

– Мы встречались в летной школе Mourmelon le Grand, – Фарман улыбается.

– Только вы жили в гостинице для учащихся на монопланах, а я на бипланах.

– Господин штабс-капитан Фарман из шестого казачьего авиаотряда, летчик-охотник. Прибыл прямо с фронта для получения новых машин.

– Из-под станции Ислам-Терек, – дополняет Фарман на французском.

– Можно по-русски, – говорит де Камп. – Я уже восемь лет квартирую на Пантелеймоновской. Кстати, Генри Фарман не ваш родственник?

– Никак нет.

– Тянущий винт уже не конструкции Шовьера, а Григорашвили. Он позволил поднять скорость со 147 верст до 150.

– Со мной летнаб-поручик Работягова. Рекомендую. Воспитанница частной гатчинской авиашколы Щетинина «Гамаюн».

Де Камп порывается поцеловать ручку Работяговой. Она с трудом стягивает одеревеневшую кожаную перчатку, достигающую локтя.

– Из гнезда «Гамаюн» встала на крыло первая русская летчица Лидия Зверева, – де Камп задерживает огрубевшие пальчики Работяговой. – А авиатриссу Любовь Голанчакову не знавали? По сцене она Мили Море, – де Камп выглядывает в окно. – А вот и хозяин пожаловал.

– Вы видели в Мурмелоне трамвай, господин штабс-капитан? А господин Анатра провел на Стрельбищное поле линию парового трамвая. Чтобы там ни говорили. И рабочие получают бесплатное горячее питание.

К заводу, дребезжа и искря, пробирается сквозь виноградники и будяки трамвай дачного вида. За ним несется, облаивая, стая собак. Машинист выпускает из длинной трубы шлейф дыма. Шляпка и кружевной зонтик Фиры в саже. Кондуктор замахивается железной клюкой на собак, но она еще больше злит их.

– Черт знает что, – выговаривает Анатра машинисту. – Какой дрянью вы топите?

– Одна часть кардифа и три антрацита, как обычно, ваш бродь.

Вслед за Артуром из трамвая спускается его младший брат Анжело. Артур Анатра замечает на балконе башни Фармана и опускает глаза. Приехавшие поднимаются на вышку.

– Господин Анатра Артур Антонович, титулярный советник, – представляет офицер.

– Мы знакомы, – обрывает Анатра.

– Анжело Анжелович Анатра, почетный пожизненный командор Черноморского яхт-клуба.

Фира прихлебывает чай из блюдца, оттопырив мизинчик. Де Камп снова подходит к окну. На рулежке стоят свежевыкрашенные аэропланы.

– Вот полетите на новом фронтовом разведчике «Анатра-Декан», – говорит офицер-распорядитель. – Его уже обкатал пилот-испытатель, лейтенант французской службы мсье Луи Линьяк.

– Обкатали или приручили? – спрашивает Фарман у Линьяка по-французски. – Если в ключе, далеко от комплиментарного.

– Укротил, – отвечает Линьяк по-русски, улыбаясь.

Разработаны типы аэропланов-разведчиков, бомбометных и сторожевых. Будем строить и блиндированные аппараты, его не берет разрывная пуля. Это разведчик-авион – глаза сражения. Предназначен для связи, разведки и корректировки артиллерийского огня. Принимает на борт до двух пудов бомб, что в эквиваленте – полпуда меланита.

На тележке бомбы с надписью «Смерть Буденному». Фарман берет одну из них, подбрасывает, раскручивая. Фира закрывает глаза. Фарман легко и артистично ловит страшный груз.

– Как маркируется машина? – переспрашивает Фарман.

– Машина названа в честь изобретателя господина де Кампа, – говорит офицер для поручений. – Заграничную транслитерацию по неистребимой российской традиции неузнаваемо исказили до более привычного созвучия «Декан». Господином де Кампом также был придуман синхронизатор для стрельбы из курсового пулемета «Виккерс» сквозь вращающийся винт. Вы его сейчас можете испытать. Пулемет летнаба на шкворневой подставке.

– А если синхронизатор откажет, и пулемет перемолотит пропеллер?

– Это исключено.

Офицеры спускаются с башенки. Фарман лезет в кабину.

– Можете расстрелять вон ту голубятню, – говорит де Камп. – Я запретил захламлять аэродром, но все равно городят. И еще о второй фазе испытаний...

– Бубочка, не кукситесь, – говорит Анатра Фире. – Повернитесь к гостям en face.

Конструктор де Камп подходит к прибору с лампочкой, установленном на открытом пространстве, что-то проверяет, подкручивает.

– Я хотел бы попросить вас, господин штабс-капитан, пролететь на бреющем над этой системой, причем настолько низко, чтобы зажглась сигнальная лампочка.

– Какую высоту вы имеете в виду?

– Десять сажен над землей. Не скрою, это рискованно, но эволюция важна для оборонных целей. Решаетесь?

– К чему эти фиоритуры красноречия? Я военный человек, а сейчас война.

– Вот именно потому система распознавания «свой-чужой» так актуальна. Все семейство аэропланов «Анатра» вполне с определенным стандартным профилем плоскостей. Кроме того, на нижней плоскости предусмотрены направляющие ребра сложного профиля, они создают затейливую конфигурацию турбулентных потоков воздуха. Если упрощенно, воздух в этих местах сгущается. Своеобразные «рисунки» потоков фиксируются на этом аппарате, он «узнает», свой самолет или чужой. Пока, к сожалению, датчики могут реагировать на характерные возмущения сгущенного воздуха только на минимальной высоте, система требует доводки.

– Под станцией Владиславовка в Крыму казачий дозор сбил по ошибке из пулемета аэроплан поручика Стаалья-второго с летнабом корнетом Пакаридзе, – вспоминает Фарман.

– Они летели на трофейном самолете, опознавательные знаки не успели переокрасить. У вашего изобретения, господин де Камп, думаю, большое будущее.

«Декан» взлетает, снижается и на малой высоте проносится над аппаратом. Лампочка не загорелась. Де Камп что-то налаживает в аппарате и жестами предлагает Фарману повторить рискованный маневр. Фарман круто снижается, да так, что аэроплан

поднимает шлейф пыли со взлетного поля. Лампочка загорается. Публика аплодирует. «Декан» делает боевой разворот и заходит на цель. Работягова поворачивает турель хвостового «Виккерса», наводит пулемет на Фиру. Та закрывает глаза.

– Не, ахайте, мадам, – цедит Работягова. – Вы не у акушера!

Аэроплан пикирует. Фарман стреляет сквозь пропеллер. Голубятня разлетается в щепки. В небо свечами взмывают сизари. Фарман заходит на новый круг, снижается до критической высоты. На приборе де Кампа загорается контрольная лампочка. Фарман кругами набирает высоту.

– Сейчас «Декан» на высоте 300 метров выключит двигатель и спустится плавным спуском, – объясняет для статских офицер-распорядитель.

Фира едет с Анатрой через виноградники на тарантасе. Он срывает на ходу гроздь, отправляет в рот виноградинку и предлагает угоститься. Она отворачивается.

– Вы боретесь с фигурой? – спрашивает Анатра.

– У меня три дня не было желудка.

– Тем более полезно раскислиться.

– Я думаю, это любовь или сексуальное заблуждение.

– Что-с?

– Вы так увлеклись беседой с этим греком, что ничего не заметили.

– С Хиони? Он изобрел двухфюзеляжную летающую пятиместную лодку. Пулеметчик размещается в гондоле на верхнем крыле. Правда, при испытаниях пулеметчик упал в море на Ланжероне и утонул.

– Опять вы гоните брак.

– Вы думаете, нет нареканий на летательные аппараты заводов Гаккеля, Щетинина или Лебедева? Да и у союзников-французов триплан «Кордон и Вуазен» на шесть душ тоже не доведен. Идет гонка, дерби...

– А погибают авиаторы.

– Каюсь. Машина Хиони сыроватая, но у меня циркулярное письмо Главного инженерного управления. Оборонный комитет заказал эскадру из пятидесяти двуххвосток. Можно неплохо заработать.

– А потом они соберут новый съезд и в резолюции напишут, что на этих лодках опасно летать.

– Согласен, не успеваем. Ведь замысел вынашивается определенный срок, как эмбрион, ни днем не меньше. Вроде бы идея блестящая, но дозреть ей не дают, это мучительно. Доведут проект до логического конца уже после нас, я это предусмотрел. Все деньги с собой не заберешь, поэтому я оставляю средства на предъявителя, на беззаветного продолжателя дела...

Артур Антонович срывает гроздь.

– Краденый виноград намного вкуснее. Мой дедушка был бедным рыбаком, ловил барабульку и спал под лодкой. Когда я позарился на чужой виноград, меня избили вожжами. Мне было десять лет.

– За одну гронку?

– Обижаете. Я выгодно продал на Привозе три корзины, пудов шесть-семь. На четвертой ходке меня ждали сторожа из черкесов, – Артур Антонович снова крутит черенок, чтобы сорвать гроздь с куста.

– Сейчас нас тоже арестуют сторожа.

– Тогда я вынужден буду купить этот виноградник.

– Это только даст повод для новых пересудов.

– Я в этой стране так или иначе выгляжу эксплуататором-чужеземцем. Газеты уже раструбили, что первый русский авиатор Михаил Ефимов угодил в кредитную кабалу к Артуру Анатре. А кто такой Ефимов? Обыкновенный рабочий с железной дороги. Но никто почему-то не говорит, что он нажил благодаря моим ссудам 200 тысяч целковых. И отправляется в полеты при плохой погоде, исключительно чтобы умножить состояние. А Уточкин с его гандикапами? Эти два Аякса у меня уже в печенках. Точнее – теперь один. Тринадцатого января Уточкина не стало.

– Боже мой! Разбился?

– Нет, умер от воспаления легких в Петрограде. Последнее время академик воздуха перебивался, играя на бильярде.

– Кошмар. Но кто мешает вам зарабатывать деньги на полетах?

– Нужно дозировать восторг. Это страна мечтателей, им больше нужна мечта о небе, чем реальный чертеж девятицилинд-

рового двигателя «Испано-Сюиза». Я сильно сомневаюсь, что летающая дама-поручик может починить мотор. И вообще, им нужна мечта о свободе, а не сама свобода, они просто не знают, как ею распорядиться.

– Боже мой, какая пыль! Я представляю, что будет с моим кринолином. Вы даже не заметили, что эта летающая ведьма в галифе навела на меня пулемет.

– Такой афронт? Вам померещилось, бубочка. Хотите на грязи к доктору Ландесману? Или проследим ваше состояние с помощью самописца барабана Морэ.

– Какой еще барабан?

– Это цилиндр. На нем подполковник Стоматьев контролирует здоровье пилотов. Нет, мы поедем в один рай мит фефер.

– Куда, куда?

– Бубочка, вы забываете родной язык. На идише это – райский уголок. Есть такой затерянный мирок Маэ из группы Сейшельских островов. У меня там тайна.

На фронт!

В ялтинском порту казачий авиаотряд грузит на неказистый приземистый пароход аэропланы с желтыми кругами по фюзеляжам, деникинскими опознавательными знаками. Глубокая осень, зябко. Четкий абрис французского миноносца на свинцовом фоне моря отнюдь не обнадеживает – союзники там вне досягаемости, а они, загнанные в угол империи, здесь. Из раскрытого трюма поднимается пар от дыхания лошадей, трюм копит тревогу, каурые притихли. Только когда казак, балансируя по бимсу, насыпает в торбу солому, узловатую струйку от дыхания сопровождает приглушенное накатом фыркание, переходящее в ржание. По шатким сходням на носилках, наспех сварганенных из казачьих пик, вносят раненого, голова забинтована, оставлены только отверстия для дыхания, на бинтах запеклась кровь.

– Ротмистр Змучилло, обустройте раненого, – говорит полковник Малишевский. Раненый невнятно бормочет по-французски.

– Кто это? Офицер французской службы?

– Второй пилот из четырнадцатого авиаотряда Луи Линьяк. Отряд весь истреблен напрочь. Когда появились «Антуанетты» Дыбенко, первый пилот-охотник подпоручик Владимирский немедленно поднял «Декан» в воздух с наблюдателем лейтенантом Линьяком, еще не оправившимся от ранения. Владимирский вступил в бой первым, но был смертельно ранен. Линьяк принял управление на себя, выровнял самолет, но потерял силы, и аппарат упал.

– Это не тот ли Владимирский, который из актеров?

– Так точно. Окончил императорские драматические курсы по классу Давыдова. На Александровской сцене исполнял роль Молчалина в «Горе от ума». Еще Нелькина.

К столбу прикреплен дощатый щит:

«Пароходство «Георгий и Орион» совершает товарно-пассажирские рейсы между Одессой и Херсоном с заходом в Станислав по понедельникам и средам.

Бакалейная набережная в Одессе. Тел. 5-84»

Казак управляют с помощью грузовой стрелы, лошадиной тяги, ваг, настеленных с причала досок.

– Ваш бродь, вожжи на исходе, канат треба, чтоб аэропланы закрепить! – обращается бородатый в папaxe к Фарману. – Ветер свежеет!

– Где капитан? – Фарман метнулся по трапу на мостик. Рубка пуста. На столе брошены штурманские инструменты. – Линейка Вильницкого и круг Пистера, – бормочет.

– Какой круг? – рассеянно переспрашивает убитый бегством полковник.

– Пистера. Так называется угломерный отражательный инструмент, господин полковник. А курс-то на карте протерт штурманской резинкой до дыр. Видать, этот пароход, как электрический трамвай, бегал на Константинополь. Диаграммы Рида... Машинный телеграф «Junction Doh» – привычный антураж.

– Вы понимаете в навигации, штабс-капитан?

– В керченских мореходных классах Крестьянинова дежурным вопросом был: «Какой рукой берут секстант?» – Фарман берет в правую руку секстант.

Малишевский выуживает из ниши для карт брошюрку и читает:

– «Лев Троцкий... – полковник листает, читает: – Чем глубже социальный кризис, тем более напряженный характер получает политика, тем концентрированнее и беспощаднее становится государственная власть и тем откровеннее она сбрасывает с себя покровы морали». Можете благодарить вашего родственника, Бронштейна, господин штабс-капитан. Матросы в нем души не чают. И тут же православный журнал «Лампада» для страховки совести. Истинно русский набор. Вирус большевистской заразы окончательно деморализовал флот. Команда, похоже, саботируя отход, разбежалась. Что будем делать?

– Боцман обнаружен связанным в подшкиперской, – докладывает Змучилло.

– Ведите.

То ли вталкивают, то ли вносят боцмана.

– Сможете привести судно в Стамбул? – спрашивает полковник.

– Пароход старый, дорогу знает...

– Этот ценитель моря загрузился сивухой до комингса! – говорит Фарман.

– Господин полковник! – кричит офицер с берега. – Три гидроплана Хиони и два «Декана» некуда грузить.

– Аэропланы могут повредиться, глядите, море раскатало, сплошь толчея, – невнятно лопочет боцман. – Еще ж не затумбарились, осадка позволяет...

– Осадка? Да ведь места на палубе нет.

– В двух кабельтовых плашкоут-жиган на бочках, – боцман дышит в сторону.

– Можем не успеть...

– Самолеты подготовить к уничтожению! – полковник глядит на далекие хризантемы разрывов в восточной части неба. – Похоже, красные на окраинах Алушты. Есаул Покутной с боцманом – на паровой катер! Привести плашкоут и погрузить самолеты на него. Лишние уничтожить.

Казачи щедро окатывают фюзеляжи керосином, но не поджигают.

– Штабс-капитан Фарман, поведете пароход, – приказывает полковник. – Я вам верю.

– Капитану положено верить в самом крайнем случае. Якоря по-походному! – командует в рупор. И себе: – А дальше что?

– Вы на трубу сначала поглядите, господин полковник, – язвит ротмистр Змучилло. – Дыма-то нет.

– Машина! – кричит в переговорное устройство Фарман. – Когда сможете разжигать котлы!

– Дохлый номер, – говорит боцман. – Главная машина разобрана. Вход заблокирован изнутри.

– А как же саботажники вылезли?

– Через капы.

– Поручик Вестфаль, вы произвели визуальный осмотр главного движителя? – спрашивает Фарман и прикладывает ухо к переговорной трубе.

– Две машины со сходящимися поршнями и двумя сходящимися муфтами должны работать на один гребной вал, но не работают. Муфты разобщены.

– Сколько нужно времени, чтоб собрать?

– В условиях неравномерной качки это почти невозможно, господин штабс-капитан. Вы, надеюсь, сами понимаете?

Поручик Работягова ловит в окуляры бинокля проходящий мимо коммерческий пароход «Аркадия» компании Родоканаки. «Купец» выглядит самодельно, деревянная рубка, на гафеле полощется полосатый греческий флаг, на фалах сушится роба. На палубе стоят, мучаются в дощатых загонах коровы.

– Вот этот пиндос может нас притаскать в Новороссийск, – замечает снова проникший на мостик боцман.

– Господин полковник, – подхватывает дерзкую пропозицию поручик Работягова. – разрешите вынудить «Аркадию» взять нас на буксир?

Наводит пулемет на ходовой мостик.

– Стоп мэшин! – командует в рупор Фарман.

Усатый греческий капитан на мостике и бровью не повел.

– Сигнальте ему фонарем Олдиса, – приказывает Фарман.

Казак бежит по причалу с зажженным факелом поджигать гидропланы, которые колышутся на поплавках у берега, нервно дергая швартовы.

– Стоять! Туши факел! – Работягова стреляет из револьвера над головой казака. Тот ошалело озирается, не понимая, в чем дело.

– Приказываю потушить огонь! – кричит в рупор полковник.

Работягова пробирается по сходням, догоняет казака, вырывает факел и бросает его в море.

– Унтер-офицер, к пулемету! – приказывает Работягова.

– Ваш бродь, аэроплан же керосином окатили, сгорим, как кутята!

Унтер все-таки влезает в гондолу на плоскости и расправляет пулеметную ленту «Виккерса». Работягова карабкается к кабине. Запускает двигатель, и гидроплан, подпрыгивая на свежей волне, взлетает. Гидроплан снижается, заходит на боевой разворот, пикирует на «Аркадию». Казак поливает из пулемета предупредительными очередями над головой греков. В стойлах-загонах мечутся перепуганные коровы, трещат доски.

– Вот упрямый пиндос! – цедит боцман.

Греческий капитан что-то лопочет в переговорное устройство, и шлейф за бортом гаснет. «Аркадия» какое-то время движется по инерции, потом на бак выходят матросы-палубники.

– Рассыпал-таки якорь, – с удовлетворением говорит Фарман.

На мачте «Аркадии» поднимают знак «два шара».

– Что это означает? – спрашивает Малишевский.

– «Не могу управлять судном», – объясняет Фарман. – Врет, конечно, тянет время. Пока нас здесь дыбенки не укандошают.

Из переговоров выясняется, что «Аркадия» загружена выше грузовой марки и к причалу подойти не может. Гидроплан Работяговой с трудом садится на воду при боковом норд-осте. Ветер уже срывает с волн гребешки. Фарман и полковник лезут в кабины еще двух обреченных и уже облитых керосином гидропланов, запускают моторы. Связка из трех гидропланов, надрываясь, все-таки отрывает пароход от стенки причала, летающие лодки медленно, но упорно тащат судно к греку.

– Анатровская тройка! – говорит ротмистр Змучилло, стоящий на штурвале в рубке. – Одолела-таки наш эллидифор.

– Как вы назвали пароход? – спрашивает полковник.

– Эллидифоры – транспортно-канонерские лодки, вооруженные пушками, появились в пятнадцатом году, – объясняет Фарман. –

Элпидифор – от греческого «носитель надежды». Первое судно было построено в Киле по заказу купца Элпидифора Парамонова.

С берега отчетливее доносится артиллерийская канонада.

– Красные, надо полагать, Алушту взяли, – говорит Змучилло. – Через час-два будут в Ялте.

Казаки высаживаются на борт «Аркадии». Возятся с тросами и цепями-бретелями. Замешкались.

– Брага заводится вокруг корпуса, а усы в клюзы, – кипятится боцман. – Прими конец, борода, через шпринговый клюз. Это тебе не кобылой командовать!

– Боцман, не забываетесь! – осаждают с мостика.

– Чтоб трос не шел жмаком, в клюзе есть направляющие валы, – протрезвевший на ветру боцман правильно укладывает трос.

На причал выезжает тачанка красных. Устанавливают орудие.

– Картечью, беглым! – командует командир в кожанке, на правом глазу его грязная повязка.

Греческий капитан не на шутку испуган, он понимает, в какую переделку угодил. Три гидроплана, фактически спасших жизнь казачьему авиаотряду, обреченно колышутся на волнах, удаляясь. Худо-бедно, но «Аркадия» движется прочь от берега и еще буксирует элпидифор.

– Зажигательными! – командует Цезарь.

Казак нажимает на гашетку, прошивает не поместившиеся на плашкоут гидропланы, обшивка загорается сразу в нескольких местах, чадя зеленовато-бурым дымом.

– Вот как авиатоль господина Анатры коптит! – говорит Цезарь. – И здесь сэкономил! Может, и на руку нам, с дымовой завесой, даст Бог, уйдем.

– Курс на Новороссийск! – напоминает Фарман греческому капитану.

Капитан протестует.

– Он говорит, что уже дал дату прибытия в Стамбул, – переводит прапорщик Вариус.

– Никаких отмашек быть не может. Он нас буксирует на Новороссийск, получает хороший бонус и потом уплывает к чертовой матери. Или мы его скормим бычкам. Переведите. И спросите, сколько у него бункера.

– Уголь взят греком «под пресс», до Новороссийска должно хватить.

– Тогда full ahead and fair weather! – говорит Фарман.

– Ваше пожелание чудесной погоды выглядит издевкой, – замечает прапорщик с рукой на перевязи. – Хотя судно лежит на створах, волну так раскатало, что на мостике не устоять.

С берега уже пальнули пристрелочным, снаряд разорвался за кормой, брызгами намочило плоскости аэропланов, стоящих на палубе. Второй снаряд лег с недолетом.

– Кажется, ушли, – говорит ротмистр Змучилло.

– Уйдем, когда привяжемся в бухте Золотой Рог, – ворчит боцман. – Валяет по-взрослому, а у нас с аэропланами парусность...

– Господин полковник, лейтенант Луи Линьяк отмучился, – докладывает Змучилло. Рядом с ним стоит сестра милосердия.

– Всех нас хранит Господь, – полковник крестится.

– Только срок хранения разный.

– Цезарь Трояныч, советую, пока есть возможность, отдохнуть, – предлагает Фарман. Полковник на мостике ему надоел. – Боюсь, что по прибытии в Новороссийск спать не придется.

Цезарь пробирается в капитанскую каюту, тесную и захламленную клетушку. По иконе Николы-чудотворца Мирликийского ползет таракан. Фарман достает из корзинки бутылку. Цезарь разглядывает этикетку.

– Самой красивой женщине Нахимов предпочитал бутылку марсалы, – Фарман разливает, жестяные кружки приходится держать в руках. – Согрейтесь, у вас шинель насквозь мокрая.

– Койки короткие и узкие, – замечает полковник, – как будто специально приготовлены для покаяния.

– Нам не в чем каяться! – говорит Фарман. – Смотрите, как беззаветно действовала поручик Работягова. Ведь ее сдобренный керосином гидроплан могли запросто сбить из рогатки, если б пальнули горящим окурком.

– Каяться всегда есть в чем. Крым-то не удержали. Выбросили нас дыбенки, как котят. Горько! Логичнее все-таки марсалу пользовать за здоровье наших отважных дам! Они, в конце концов, наш нравственный камертон.

В каюту стучит вестовой.

– Господин полковник, утопленник в офицерской форме за бортом!

– Сыграйте шлюпочную тревогу, – Фарман идет на мостик. – Второй ялик правого борта на воду! В ялик – ротмистр Змучилло, унтер-офицер Покутной, поручик Вестфаль. И несите в ялик усопшего. Мы на траверзе острова Федониси.

– Змеинового?

– Так точно.

– Тело француза предать земле в монастыре – и сразу назад, – говорит Цезарь.

– Семафорьте на «Аркадию»: отдать оба якоря в ветровой тени острова, – командует Фарман.

Ялик ныряет в волнах. С трудом втаскивают в лодку тело в шинели. Высаживаются на скалистый берег. С утеса за ними наблюдают фигуры в черных сутанах, послушники монастыря. Офицеры поднимаются к монастырю, крестятся. Долбят кирками скальный грунт. Тела торопливо присыпают щебенкой, могилы неглубокие. Салютуют наспех. Погибший – летчик, поручик из 11-го авиаотряда.

– Алексей Ван-дер-Шкруф, – читает мокрые документы Фарман. – Между прочим, воспитанник мурмелонской школы во Франции.

Нагрудную сумку Луи Линьяка с личными письмами и бумагами закапывают вместе с телом. Бегут к открытой всем ветрам бухте. Погода окончательно испортилась. Лодка уже поднята на эллипидфор. С мостика семафорят греку, чтоб отходил. Буксирный трос натягивается. Но плашкоут нашел плиту и засел. Видимо, основательно.

– Дергайте враздрай на переменных ходах! – командует Фарман.

Но все напрасно. «Аркадию» саму едва не вынесло на скалы.

– Рубить конец! – приказывает полковник. Застрявшие на плашкоуте в волнах три аэроплана удаляются.

Между тем шторм набирает силу. В корме возня, крики, мощные удары. Неужели груз сместился? Пароход валяет все основательнее. В каюту Цезаря стучится Фарман:

– Господин полковник, с юта два «Декана» смыло.

– Беда. Люди-то не погибли?
– Вроде все на месте, хотя в этой кутерьме переключка бесполезна.

– Как думаете, дойдем до Новороссийска?

– Думаю, что нет. Инклинограф ведь не соврет, показывая угол крена 35 градусов при критическом 55. В условиях шторма мы получили постоянный крен 35 градусов размахом 53. Это очень душевно.

– Ваши действия?

– Единственный выход – освободиться от лошадей и облегчить пароход.

– Отстрел лошадей может спровоцировать бунт среди казаков.

– Захотят жить – патронов не пожалеют.

– Приступайте.

Казаки выводят лошадей из временных дощатых стоек в трюмах и твиндеках на корму, крестят и стреляют в ухо из коротких карабинов. А потом сквозь слезы и капли лошадиной крови на лице украдкой следят, как трупы кувыркаются в порозовевшей волне.

Судно кренится, полковник едва удержался на ногах. «Езус Кристофоро!» – кричат с греческого парохода. В каюту врывается мокрый, как мышь, боцман и докладывает:

– От игры буксира послабли троса, греки хотят рубить конец.

Воду оживляют мерные спасительные удары винта.

– Неужто поручик Вестфаль вернул к жизни двигатель? – говорит полковник. – Тогда у нас есть шанс.

– Кажется, настало время приступить к штурманской прокладке курса, – говорит Фарман.

Шторм мало-помалу выдыхается. Элпидифор ворочается на волне с постоянным креном. Прямо по курсу взрыв, столб воды.

– Уже не грек ли гавкнулся? – говорит Змучилло.

Через час уже собственного хода с мостика элпидифора замечают ялик. В шлюпке греческий капитан и восемь членов команды. Поднимают потерпевших на борт.

– Что стряпилось? – не без удовольствия спрашивает Змучилло.

Прапорщик Вариус переводит, греки отвечают.

– Котел взорвался, – объясняет Вариус, хотя это и так ясно.

– Бог шельму метит.

– Грекам налить виноградного спирта, – командует полковник, – напоить чаем. Капитана в канатный ящик. Старпому двадцать горячих за саботаж. Остальных поместить под стражу в подшкиперскую.

Снова болтает. И конца-края толчее не видно.

– Кажись, за берег зацепились, – говорят на мостике.

Над голыми безрадостными склонами бирюзовая полоска. Мечеть. Тихо. Слышит, как боцман сказал: «Волна в проливе уби-лась». Полковник спускается в трюм, в потемках перешагивает через крупы пристреленных, но так и не преданных морю лошадей. Осматривает принайтованные к шпациям аэропланы. Слышит, как замирают удары винта. Снова авария – или теперь катастрофа? Поднимается по трапу. Навстречу спускается Фарман.

– Господин полковник, элпидифор рассыпал оба якоря у второго причала Стамбула. В меню русского ресторана «Не робей!» кильки под соусом пикан «tres mantard», а также салат ромен «жели боку». Оркестр исполняет «слоу». В программе участвует цыганский дуэт «Черный жемчуг». Ваше почетное место во главе табльдота забронировано.

Цезарь, расчувствовавшись, целует Фармана.

– Вы лучше пригласите в ресторан даму, поручика Работягову. Работягова подходит к Фарману, что-то шепчет на ухо.

– А я займусь приемкой бункера. Сколько угля в запасе?

– Тонны две пыли, фактически бункер пустой. Придется продать два аэроплана. Агент уже привел покупателя, крон-принца шейха Аль-Аравийского.

– Для чего ему аппараты?

– Сказал, чтобы летать на хадж. Но, думаю, лукавит. Он попросил не демонтировать пулеметы. Возможно, купил для охоты на кабаргу.

– Не забудьте взять у агента квитанцию о факте продажи.

– Зачем?

– Чтоб избежать кривотолков. Мы не вправе игнорировать общественное мнение.

– Полноте! Общественное мнение – это не маяки.

– Вы во флоте научились делать ударение на «я»?

– Если б не было традиций, не было и флота. А интенданты, думаю, уже в Париже распоряжаются чемоданами наворованного.

К Фарману подходит сестра милосердия. Работягова смотрит на нее ревниво.

– Вы наш добрый ангел! – говорит.

– Ангелы летают, а я плаваю и не знаю, когда полечу.

Поднимаются на мостик. На набережной толпятся казаки. Кое-кто все-таки верхом, на чудом уцелевших лошадях. К фотографу подъезжает хорунжий.

– Вас с лошадью? – спрашивает русскоязычный фотограф.

– Нет, с женой.

– Хорошо бы проходочку сделать «на Полгоры», – провоцирует молодой казак.

– Что он затеял? – спрашивает полковник.

– Полгоры – район красных фонарей, – говорит Фарман. – Когда кочегары с коммерческих пароходов угодят туда, то на пароход возвращаются в кальсонах. Все на месте?

– Полного кавалера «Георгия» унтер-офицера Разувайло нет в наличии...

Ротмистр Змучилло, оседлав кабардинца, скачет на Полгоры. Врывается в номера. Барышня в исподнем сначала притворно визжит, а потом быстро успокаивается.

– Какой же они полные кавалеры? – кокетничает, поправляя резинки на кружевных панталонах. – Они вовсе худенькие.

Унтер-офицер Разувайло сидит в кальсонах на пуфике и пыхтит кальяном. Булькает то ли в кальяне, то ли в животе унтера.

– Разувайло, Вальпургиеву ночь оставить! – приказывает Змучилло. – Хватит дрыстать! Снимаемся.

– Но георгиевским кавалерам же разрешается посещать женские бани, – кривляется унтер.

Ротмистр достает револьвер. Дама визжит. Унтер напяливает шаровары с лампасами.

Пароход стоит под парами.

– Когда догрузят кардиф? – спрашивается Фарман.

– Кровь из носа, а надо бы управиться до четырех, – подгоняет полковник. – Капитан второго ранга Кисловский высадил десант с миноносца в Одессе на Большом Фонтане.

– Петр Николаевич Врангель всегда искусно выбирает момент. А что генерал д'Ансельм, командующий французскими войсками на Юге России?

– У французов одни разговоры. Их флот деморализован.

– Всем нижним чинам, пока не причастились, на штивку угля! – командуют с юта. – Почему они на берегу?

– После досмотра – свободная практика, – отвечают с берега.

– Знаем мы эту свободную практику. Уже господа офицеры вдохновились абсентом.

– Боцман, голяки в зубы – и драить палубу! – командует Фарман. – Мы теперь на военном корабле.

Казачки босиком снуют по трапам со швабрами и вениками-голяками.

– Три, три, три холеры. Три чумы! – командует в такт боцман.

Котельное отделение. Оголившиеся до пояса казаки штивают лопатами уголь, возят его по сходням тачками-«рикшами», на шеях мотаются крестики. Свет из топок озаряет чумазные лица. Пьют из чайника по-кочегарски, не касаясь губами носика, чтоб не обжечься. Боцман вырывает у одного лопату и объясняет, демонстрируя:

– При замахе ударяй лопатой о топку, чтобы уголь равномерно рассыпался по поду. Понял, борода?

Судно движется Босфором, морща зеркальную поверхность пролива расходящимися от носа «усами». Венчающий нос бушприт опережает «усы» и отражается в воде без искажений. «Деканы» на палубе привлекают внимание посетителей на верандах прибрежных ресторанов. Дамы разглядывают пароход в монокли. Офицеры на эллидифоре, стоя на влажных досках «скатанной» палубы, нацелили на дам шестикратные полевые бинокли.

– Да, как сказал Жюль Ренар, на земле нет рая, но есть его уголки, – замечает полковник Вестфалю.

– Команда «полборта вправо» соответствует 15-ти градусам, – объясняет Фарман казаку за штурвалом. Повтори, Тит.

– А капитан наш, он же штабс-капитан Фарман, на высоте, – говорит полковник. – Как будто родился на мостике и был с морем обречен с младенчества.

– Обручен, но не обвенчан, – поправляет Вестфаль.

Работягова записывает в сафьяновую книжницу: «Чувство должно находиться в движении, иначе оно успокаивается. Утихает, как волна. Если мысли опережают чувства, то они препятствуют развитию движения. Мысли же – волноломы на пути чувств, они не дают им разбиться, вспениться, чтобы на смену пришли другие чувства».

Ротмистр Змучилло листает потрепанный номер журнала «Наука и спорт» и ухмыляется.

– Илона Трифоновна, позвольте прочитать вам любопытное письмо пилота к пилоту о ничтожности.

Змучилло читает:

У нас задумали нули,
Сплотясь ватагою безмерной,
Покрыть простор родной земли.
Ведь не нулям пришлось бы скверно,
Когда б ничтожность в полусне
В ответ на думы, скорби, нужды
Лишь свой левизм твердила: «Мне
Все человеческое чуждо!

Змучилло прячет журнал за обшлаг шинели.

– Не правда ли, не в бровь, а в глаз?

Она рассеянно кивает и глядит на близкий берег. По дебаркадеру пробирается кот с бакенбардами, в пасти – мышь. У кромки набережной автомобиль. На нее смотрит в упор Фира, первая жена Фармана, рядом Артур Антонович Анатра, выкупивший Фиру. С берега они видят выпуклый похожий на ежика пароход, перегруженный аэропланами. На фюзеляже «Декана» написано «На фронт!». Анатра снимает шляпу. Фира крестит уходящее видение. Свою бывшую жену заметил с мостика и Фарман.

– Истеричный пафос и дутый патриотизм, – говорит офицер в казачьей бурке, рука его на черной перевязи.

– Не смейте, они – герои! – взрывается Фира.

Фира вынимает платочек, промакивает слезу, пудрится.

– Артур, зачем они туда возвращаются? – говорит. – Это же безумие!

– В морской практике это называется демонстрация флага. Правда, уже несуществующего государства, поэтому она выглядит вызовом пустоте. Комиссары в Одессе на пятой станции Люстдорфской дороги уже оприходовали «Деканы», я получил письмо от управляющего. Мне не хватало рекламаций от красных в Париже. Луиджи, наверное, вези к «Petrograd Patisserie», – приказывает шоферу. – Надоела баклажанщина. В «Патишери», говорят, срывает аплодисменты московский негр-джазист Федор Федорович Томас. Исполняются чарльстон и фокстрот.

– Какой Чарльстон? – Фира вытирает слезы. – Поимейте совесть!

– В Петрограде обещают и Вертинского, – напоминает шофер Луиджи. – Пароход «Великий Князь Александр Михайлович», где капитаном мой свояк капитан Григорий Кастряки, доставил из Севастополя труппу Вертинского.

– Кстати, в этом же отеле «Petrograd Patisserie» уже забронированы два этажа для штаба генерала Петра Николаевича Врангеля.

– Нет, номера авансированы в отеле «Бюк Лондра», – поправляет Луиджи.

– Как авансированы? – ахает Фира. – Куда же тогда они плывут? Они погибнут?

– У господина Фармана есть шанс. Если он попадет в плен, то родственник, надеюсь, его помилует и предложит должность, скажем, командира авиадивизиона.

– Какой родственник?

– Наркомвоенмор Лев Давидович Троцкий-Бронштейн. Кстати, Троцкий вчера выступал на Куликовом поле, мне телеграфировали. Успех оглушительный. Особенно у рефлексующих дам.

– И эта летающая ведьма в гимнастерке тут как тут! – Фира заметила соперницу на борту.

Змучило провожает в бинокль отходящий «Делано-Бельвиль».

– А рядом с Анатрой, между прочим, Фира, первая жена штабс-капитана Фармана, которую Артур Антонович якобы выкупил, – замечает Змучило.

– Как Ларису Федоровну Уточкину? – с сомнением реагирует Вариус. – Зачем?

– Думаю, это жест для публики, чтобы выглядеть человеком одной идеи. Анатра тоже убежал от красной чумы, а болтали, что оказывал финансовую поддержку большевикам...

– Он помогал красным, когда поставлял нам бракованные аппараты.

– Теперь на бракованных машинах полетит шейх, который их приобрел...

– Мы с тем «лаптем» не столкнемся? – Фарман опустил бинокль и решительно шагнул в рубку. Склонился к переговорной трубе. – Машина, нас течением реверснуло! – кричит в котельное Фарман. – Вестфаль, судно катится вправо! Прямо по курсу миноносец Антанты. Право руля!

– Нет руля, заклинило! – докладывают.

– Отдать оба якоря. Машина, полный назад!

